

Сергей Терентьевич Семенов
Сотский

Date: 21 августа 2009

Изд: Семенов С. Т. "Рассказы". М., "Художественная литература", 1970

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

СОТСКИЙ

I

Вечерело. В обширном грязном здании Юрьевского волостного правления было тихо и пустынно. Старшина с писарем уехали по волости по сбору продовольственного капитала, а помощник, воспользовавшись их отсутствием, пошел в трактир выпить бутылку пива и повздыхать на глазах у дочери трактирщика, Марфуши, румяной девушки в розовом платье, с большими "буферами" и тощенькой косой, которую она собирала в пучок на макушке. В присутственной комнате правления разливался полумрак, отчего все предметы, находившиеся в ней, получали неясное, несвойственное им очертание.

Правленский сторож Матвей Груздев, старый бобыль, с совершенно лысою головою, которую он при резкой температуре повязывал, как баба, платком, неподвижно сидел на большой скамье в углу у входа, как бы боясь помешать собиравшейся сгуститься темноте, и, закрывши глаза, думал. Он думал о том, что если бы у него были живы его сыновья, из которых один был убит на войне в турецкую кампанию, а другой умер от чахотки в Москве, то, вероятно, у него теперь росли бы внуки и правнуки. Они жили бы все вместе, в большой двенадцатиаршинной избе с печкою посередине, и он лежал бы на этой печке, а кто-нибудь из невесток ставил бы самовар... К чаю принесли бы закусить соленых рыжиков, и когда бы собрали на стол, то какая-нибудь из правнучек подбежала бы к нему и стала звать его за стол...

-- Ох-хо-хо! -- протяжно вздохнул старик и, отстранившись от стены, на которую опирался спиною, открыл глаза. Темнота густо наполняла уже всю комнату. Картины, портреты и разного рода объявления и распоряжения исчезли со стены для глаз старика; куда-то отодвинулись и самые стены с простенками; только одни окна, тускло белея, были на своем месте.

-- Надо зажигать огонь, -- проговорил Груздев и, тяжело поднявшись с места, не спеша подошел к покрытому грязным, залитым чернилами сукном столу и, снявши со старой кривобокой лампы колпак, а потом стекло и чиркнув дрожащими руками спичку, зажег фитиль. Потом надел опять стекло и колпак и истово перекрестился.

-- Слава тебе, господи, слава тебе! -- произнес он, сладко и протяжно зевнув, и, перекрестившись, опять стал стряхивать насоренный помощником на столе пепел от папиросы.

За стеной в коридоре застучали, и послышались неуверенные шаги двух человек. Вот шаги притихли; шаркнула, отворяясь, дверь в прихожую, чья-то рука взялась за скобку двери, ведущей в присутственную комнату, и на ней задребезжали стекла. Старик поднял голову и стал глядеть, кто входит; но свет, скрадываемый колпаком еще не разгоревшейся лампы, слабо доходил туда, и старик сразу никак не мог разглядеть, кто вошел.

-- Здорово, дядя Матвей! -- раздался сочный, сильный голос. -- Никак, ты один?

Старик отошел от стола на середину комнаты и тут уже разглядел плотную, коренастую фигуру сотского Коврижкина, с лохматой белокурой головою, здоровыми, красными щеками и крупными губами. За ним, слегка съездившись, стоял молодой парень, с еле пробивающимися усиками на миловидном лице, с острым небольшим носом, стриженный бобриком. На нем было осеннее пальто с наглухо застегнутым бортом и поднятым воротником. Пальто снизу все было забрызгано грязью, в грязи были и высокие сапоги с резиновыми калошами. Парень как будто конфузился; на лице его заметно было выражение неловкости, а в темных выразительных глазах светился мрачный огонь.

-- Здорово, друг, здорово! -- ответил на приветствие сотского старик. -- Ты что ж, с бумагами, что ли?

-- Какой с бумагами, вишь -- человека привел, -- бросив на скамейку шапку и потирая озябшие руки, сказал сотский. -- А при нем, известно, и бумага есть...

-- Что ж это такой за человек? -- спросил старик, внимательно взглядывая на парня.

-- С этапа, -- проговорил сотский и, заметив выражение удивления на лице старика, тряхнув